

В.А. Садикова

Тверской государственной университет, г. Тверь

ТОПИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Ключевые слова: высказывание, текст, дискурс, топика, структурно-смысловые модели, языковая единица, языковой знак.

Высказывание рассматривается как языковой знак, как единица, конституирующая текст/дискурс. Топика представляет собой систему таких единиц и может продуктивно использоваться в лингвистике текста.

V. A. Sadikova

Tver State University, Tver

TOPICA AND LINGUISTICS OF THE TEXT

Keywords: utterance, text, discourse, topic, structured-semantic models, language unit, language sign.

The utterance is considered as language sign, as unit, providing text/discourse. The Topic presents itself the system of such units and can productively be used in linguistics of the text.

Проблема целостности и связности речи и текста занимает лингвистов давно. Эту проблему рассматривает как центральную *лингвистика текста*. Однако проблема *высказывания как основы* этой целостности и связности и по сей день продолжает оставаться актуальной и не решается однозначно. Нерелевантность формальной логики для решения этих проблем в лингвистическом аспекте очевидна. Многие специалисты отказались от термина *высказывание* как совпадающего с логическим *суждением* и используют его в лучшем случае как нетерминологическое определение речи в очень широком смысле или – в узком смысле – как синонимичное предложению.

Однако и термин *текст* рассматривается неоднозначно не только на протяжении долгой истории формирования этого понятия, но и в современных исследованиях: «Что такое текст?» Это вопрос был центральным в лингвистике текста и дискурс-анализе со времен их возникновения (Авторы ссылаются на работы: de Beaugrande, 1996; van Dijk, 1985, 1990; Wodak et al... 1989; Renkema, 1993; Jaeger, 1993 и др. (Тичер и др., 2009, с. 36–37). – В.С.), хотя в настоящее время эти научные подходы все больше сближаются. Текст и дискурс принято рассматривать как письменную (текст) и речевую форму (дискурс), хотя в научной литературе это вызывает споры. <...> Лингвистика текста в ответ на это распространенное мнение ввела другой широко принятый концепт текста, определив его как *любой тип коммуникативного высказывания*» (Тичер и

др., 2009: 36. Курсив мой. – В.С.). Наиболее адекватным авторы указанной коллективной монографии полагают определение дискурса, данное де Бограндом и Дресслером, которые «определили текст как *коммуникативное событие*», включив в него семь обязательных критериев: *связность* (обеспечивается повторением лексических элементов, а также конъюнкциями, которые показывают, какие связи существуют между событиями на уровне структур предложений); *целостность* (формирует значение текста, его смысл и подразумевает общие когнитивные структуры реципиентов); *интенциональность* (связана с установкой и целью автора текста); *приемлемость* (связана с тем, как текст понимаем и воспринимаем ли он в качестве текста); *информативность* (определяет количество новой или ожидаемой информации в тексте); *ситуационность* (указывает обстоятельства речи, их важность для создания текста); *интертекстуальность* (связывает тексты определенных жанров или типов). Подробнее см. в (Тичер и др. 2009: 38–42).

Авторы дополнительно подразделяют 7 критериев де Богранда и Дресслера на «внутритекстовые» (связность и целостность) и «внешнетекстовые» (все остальные), полагая, что лингвистика текста преимущественно занимается первой, а дискурс-анализ использует вторую группу критериев. В то же время авторы отмечают, что «современные подходы в большинстве случаев подчеркивают функциональный аспект» (Тичер и др., 2009: 43). Однако далее констатации этого факта авторы не идут. Нам же представляется возможным – на основании функционального подхода – сделать допущение, что возможно выделение таких *единиц целого*, которые конституируют и текст и дискурс, учитывают «внутритекстовые» и «внешнетекстовые» факторы.

«Напомню, что возникновению термина (речь идет о дискурсе – В.С.) мы обязаны З. Харрису (Harris, 1952), – пишет Е.С. Кубрякова. – Согласно его мнению, в сферу дискурсивного анализа входило одно лишь разбиение его на составляющие текст части (ядерные предложения), что и осуществлялось с помощью дистрибутивной методики. Лишь значительно позднее зарубежными учеными стали ставиться вопросы о том, *почему же естественно складывающийся текст столь резко отличается от набора ядерных предложений, в которых представлено главное пропозициональное содержание текста* (курсив мой – В.С.) и почему говорящий выбирает для осуществления своего замысла те или иные языковые формы с их собственным синтаксическим устройством и референциональной нагрузкой (Prince 1998, 166 и сл.)» (Кубрякова, 2001: 78). В первом приближении, полагаем, потому что «естественно складывающийся текст» представляет собой ЧАСТНУЮ реализацию ОБЩЕЙ структурно-смысловой модели, точнее, совокупности неких структурно-смысловых моделей (в нашей терминологии – топов). ЧАСТНОЕ же всегда вариативно, субъективно, конкретно и не исчерпывается «главным».

Какой термин используется, *дискурс* или *текст*, зависит от того, какой парадигмы придерживается ученый. Однако проблема *единицы* текста и/или

дискурса возникает постоянно, и *высказывание* в качестве аналога такой единицы было предложено еще М. Фуко: высказывание – это «разновидность существования, присущего данной совокупности знаков» (Фуко, 1996: 108). О.Г. Ревзина рассматривает такую характеристику высказывания как «отличную от лингвистического определения» (Ревзина, 2005: 68). Однако нам представляется, что определение М. Фуко заслуживает более пристального внимания, несмотря на кажущуюся нелингвистичность. Можно, конечно, прийти на этом основании и к «дискурсивным формациям», которые на поверку оказываются теми же функциональными стилями: «М. Фуко выделяет те разновидности дискурса, которые – по видимости, по другим критериям – выделяют и в функциональной лингвистике. <...> А между тем М. Фуко собственно языковые характеристики дискурсивных формаций не только игнорировал, но еще и подчеркивал, что «отношения в дискурсе характеризуют не язык, который использует дискурс, не обстоятельства, в которых он разворачивается, а самый дискурс, понятый как чистая практика». И это притом, что языковая дифференциация в дискурсе прослеживается едва ли не на всем протяжении исторического существования национальных языков» (Ревзина 2005: 69 – 70).

Если рассматривать определение *высказывания*, данное М. Фуко, диалектически и не видеть в «разновидностях» застывшие результаты, то можно сделать более конструктивные и перспективные, на наш взгляд, выводы. Кстати, сама О. Г. Ревзина полагает, что «дискурс мыслится как субстанция, которая не имеет четкого контура и объема и находится в постоянном движении. Назначение понятийного аппарата лингвистики дискурса состоит в том, чтобы обеспечить доступ к его структурообразующим параметрам»» (Ревзина 2005: 66). В данной статье мы предлагаем систему единиц текста/дискурса, которая, как нам кажется, имеет и теоретическое, и прикладное значение и может активно использоваться в лингвистике текста для решения как исследовательских, так и практических задач обучения речи (Садикова 2008; Садикова 2009а; Садикова 2009б, Садикова 2009в).

Термин *дискурс* постепенно превратился в один из ведущих терминов лингвистики текста. Однако широкая популярность этого термина привела к столь же широкой его неоднозначности, еще большей, на наш взгляд, чем у *высказывания* и *текста*. Ученые, занимающиеся лингвистикой текста, как бы разделились на два лагеря. Одни изучали текст в традиционных терминах и шли от *слова*, как минимальной смысловой единицы, другие шли в обратном направлении, начиная с дискурса как целого. В первом случае текст автоматически становился линейной последовательностью слов, предложений, сверхфразовых сегментов; «единица» усматривалась или в объединении нескольких предложений по смыслу, или в сегментации готового речевого продукта, главным образом, текста, по абзацам. Во втором случае исследовалась коммуникация, речевые акты, интеракции, а собственно текст оставался без должного внимания.

Нисколько не умаляя важности и правомерности существования обоих подходов, полагаем, что может быть и другой путь. Для того чтобы он стал возможен, необходимо уточнить понятие *высказывания* и придать ему статус строго лингвистического термина в значении *единицы* речи, текста, дискурса.

Поначалу высказывание не связывалась непосредственно с целым текстом. Ученых интересовала проблема *речевой* единицы большей, чем предложение. В лингвистике появились термины, отражающие этот процесс: *сложное синтаксическое целое* (Н.С. Поспелов, Г.Я. Солганик); *сверхфразовое единство* (Т.М. Николаева, И.Р. Гальперин). Наряду с этими понятиями стала формироваться и собственно *лингвистика текста* (Р. Харвег, В. Дресслер, Т.М. Николаева, Н.А. Левковская, О.И. Москальская, Е.В. Падучева, В.Г. Гак, С.И. Гиндин, А.Е. Реферовская, В.Е. Шевякова и др.) (ЛЭС 1990: 435).

Хотя некоторые ученые полагают, что «понятие сверхфразового единства позволяет восстановить недостающие звенья при переходе от синтаксиса предложения к синтаксису целого текста» [Ibid], это понятие, пожалуй, только *помогло осознать наличие* «недостающих звеньев».

Мы полагаем, что *высказывание* можно понимать не только как *результат*, т. е. нечто сказанное, высказанное, не только как *процесс* «сказывания», но и как *единицу* «сказываемого». Эти единицы существуют в нашем сознании и по мере надобности используются в процессе речевой практики: РОД и ВИД, ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ, ЦЕЛОЕ и ЧАСТИ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, цели), ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, ИМЯ и СИМВОЛ, СВОЙСТВА (признаки, качества), СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ДЕЙСТВИЕ и СТРАДАНИЕ (или ПРЕТЕРПЕВАНИЕ; термин Аристотеля), т.е. подверженность действию, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО. (Перечень разработан на основе категорий, предикабилей и способов-топов Аристотеля, а также комментариев Порфирия, топики Цицерона, «мест риторических» М.В. Ломоносова. См. подробнее в [Садикова 2009б, 2009в]). Они представляют собой *систему*, которую мы (в соответствии с первоисточниками) именуем *топикой*, а единицы, составляющие эту систему, – *топами*. Эта система носит рекурсивный характер и структурирует любые сложные смыслы, обеспечивая не только линейность, но и объемность, глубину нашей речи. Топы являются единицами текста/дискурса. Они не даны извне, не заданы исследователем, а функционируют в естественном языке/речи носителей языка.

Список не претендует на иерархичность, потому что в реальной спонтанной речи все эти единицы функционируют как равноправные. Какая из них понадобится нам в данный момент общения, зависит от ситуации общения, от лингвистических и экстралингвистических факторов, имеющих место «здесь и сейчас». Иерархичность топов появляется только в конкретной речи, т.е. связана с конкретным высказыванием и его объемом, с тем, *какая реальность* в данный момент актуализируется. Эта иерархичность невероятно *пластична*: в каждый следующий момент общения мы имеем

дело с новым «здесь и сейчас», на которое немедленно реагирует топическая система. При этом структурируется именно *текст речи как общения* – с учетом всех параметров/критериев, предложенных В. Дресслером и де Бограндом, и тех, которые, вероятно, еще будут открыты. Потому что *топ – ментальная структурно-смысловая модель высказывания*, т.е. единица *самой речи* (текста, дискурса), а не единица *исследования*. Попробуем продемонстрировать это на примере. Для этого возьмем фрагмент телевизионной передачи в прямом эфире и разделим его (весь, без остатка, не выделяя «главное» и «второстепенное») на смысловые отрезки. Каждый из этих отрезков не может претендовать на завершенность, но несет некоторый *смысл*, который и может быть охарактеризован как *топ определенной разновидности*, как реализованная в конкретной речи ментальная структурно-смысловая модель высказывания – в качестве структурирующей текст/дискурс единицы.

Пятый канал, программа «Открытая студия» 16 декабря 2008. Тема: «Увольнение по принуждению». Ведущая *Ника Стрижак*. Гости студии: *Михаил Любин*, вице-президент союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга; *Константин Цыбко*, член правления ассоциации юристов России; звонки и письма *слушателей*.

<< *Н. Стрижак*. Мы возвращаемся в прямой эфир /1. *Действие/* Напоминаю.. это программа «Открытая студия», мы сегодня говорим... об увольнениях... /2. *Обстоятельства/* Коротко проконсультируюсь... /3. *Действие /* кстати наш один зритель с нами... Дмитрий пишет.../4. *Действие/* скажите... какое увольнение... в какой период после увольнения работодатель обязан выплатить...э... расчет и имеет ли он право, ссылаясь на кризис выплачивать по частям.../5. *Свидетельство/*

К. Цыбко. Нет не имеет он должен выплатить сразу.../6. *Противопоставление/*

Н. Стрижак. Правильно, никаких рассрочек там../7. *Конкретизация/* ничего не будет.. *К. Цыбко*. Никаких. /8. *Обобщение/*

Н. Стрижак. Хорошо... Но... /9. *Противопоставление/* Смотрите. Почему сегодня вообще не ставится вопрос о том.../Общее/ Михаил Александрович... вот сокращение.. вот.. на улицу /10. *Конкретизация/* Почему не предложить.. надо сначала предложить.../11. *Действие/*

М. Любин. Кто должен?.

Н. Стрижак ...внутри кампании...

М. Любин. У нас... у нас в центре ... есть .../12. *Обстоятельства/*

Н. Стрижак. Вот все звонят вот эти люди из Магнитогорска куда пошли... Предложили им.. менее.. оплачиваемую должность в той же кампании?.../13. *Пример/*

М. Любин. У нас.. У нас в Санкт-Петербурге.. предлагаются... рабочие места.. и вакансии... на том предприятии /14. *Пример. Обстоятельство места. Действие/*, на котором сокращаются ненужные.. э.. какие-то должности или какие-то.. какие-то специальности /16. *Признаки/* Или.. это.. вот недавно... э ... это происходило на Невском заводе.. Там с одного

предприятия... холдинга... предложили... значит рабочие места.. в великолепных простите условиях... перейти на другое предприятие и часть людей на это согласилась /17. *Пример. Обстоятельства времени и места. Действия/*

Н. Стрижак. И что это предложение с понижением зарплаты? /18. *Качество/*

М. Любин. Э...

Н. Стрижак. Вот человек говорит специалисты... все-таки... /19. *Свидетельство. Противопоставление/*

М. Любин. Специалисты.../20. *Имя. Качество./*

Н. Стрижак. Уходит тот... у которого все-таки есть работа.../21. *Обстоятельство/*, что работа важнее чем... /22. *Сравнение/* пусть даже меньше оклад но лучше держаться... /23. *Противопоставление. Действие./*

М. Любин. Конечно. Конечно лучше держаться за работу.. Безусловно /24. *Действие/*

Н. Стрижак. Ну вот дай Бог...Если позволите Константин Владимирович... мне остается проконсультироваться что значит... я могу с вами проконсультироваться? /25. *Действие/ (читает письмо)* Я нахожусь в декретном отпуске. Мне скоро выходить на работу но пока я была в декрете, предприятие выкупили, изменилась штатная структура и теперь нету... ни отдела в котором я работала, ни должности на которой я была. /26. *Свидетельство. Обстоятельства. Действия/*

К. Цыбко. Нет ну когда... работник находится в декретном отпуске... она... защищена полностью законодательством /27. *Обстоятельство. Воздействие/* и то что там кто-то поменялся и что сменилось это не имеет значения. Когда она выйдет на работу и если ее будут сокращать, все вот те гарантии на нее будут распространены. /28. *Обстоятельства. Действия. Качество./*

Н. Стрижак. Хорошо... /29. *Качество/*

К. Цыбко. Вот.. поэтому она ...абсолютно это не значит что она придет и.. ей скажут что вы нам не нужны /30. *Причина. Противоположное/ >>*

Предложенный фрагмент представляет собой естественную речь в определенных обстоятельствах по поводу определенной проблемы. Подготовлена только тема и приглашены компетентные участники. Речь записана так, как она звучала в процессе общения, не трансформировалась (как это реально происходит, например, с газетным интервью) в письменную речь. Что это: *текст* или *дискурс*? Полагаем, и то, и другое.

Общий смысл текста-речи как целого, речи/дискурса, «сотворенного» всеми участниками общения складывается не из предложений, а из реализованных топов. Топы, понимаемые как структурно-смысловые единицы, обеспечивают и *связность* этой общей речи, достаточную для взаимопонимания, несмотря на некоторую – естественную в спонтанной речи – сбивчивость, и ее *целостность*, которая вполне достаточна для того, чтобы соответствовать заявленной в телевизионной передаче проблематике. При

этом в полной мере реализуются и другие критерии текста/дискурса, которые авторы (Титчер и др., 2009) относят к «внешнетекстовым».

Конечно, каждая научная парадигма выделяет свои аспекты исследования, но нам представляется целесообразным любой анализ начинать с такого естественного для нашей спонтанной речи деления на топы как единицы-высказывания. Деления, конечно же, условного. Условного в том смысле, что топы могут выделяться по-разному в зависимости от *объема* анализируемого фрагмента, так как они исключительно «чувствительны» к этому параметру; условного и в том смысле, что возможны индивидуальные предпочтения при таком делении. Здесь не столько важно «правильно» разделить на «фрагменты», сколько важен сам факт деления. Топы – в силу своей незавершенности и рекурсивности – как бы «пульсируют» в живой речи, готовые при малейшем изменении ситуации трансформироваться в другую свою разновидность.

Ученые все чаще рассматривают *высказывание* и *текст* как знаки: «Языковые знаки можно разбить на классы знаков полных, т.е. коммуникативно завершенных, самодостаточных (тексты, высказывания), и знаков частичных, т.е. коммуникативно не самодостаточных (слова, морфемы). Языкознание традиционно концентрировало внимание на знаках назывных (словах). Новейшая семиотика сосредоточивает свое внимание на *высказывании как полном знаке* [Курсив мой. – В.С.], с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел» (Сусов, 2007: 58).

Таким образом, топику можно квалифицировать и как систему *полных* языковых знаков, рассматривать как типологию высказываний *в языке*. При этом топика предлагает не схемы построения, а структурно-смысловые (т.е. структурирующие *смысл*) единицы, имеющие отношение как к внутренней структуре языка, так и к внешнему миру и его отражению в речи через общение носителей языка. И к такому пониманию высказывания вполне применимо определение высказывания как «разновидности существования...» (см. выше), данное М. Фуко.

Если обратиться к принятой сегодня в лингвистике и зафиксированной в лингвистическом словаре типологии языковых знаков, то топ следует определить как *потенциальный знак*: «Знак потенциальный (знак нереализованный, знак виртуальный) *англ.* virtual sign, *фр.* signe virtuel. Коммуникативная единица как часть системы языка в отвлечении от фактов (факта) ее (конкретного, данного) воспроизведения (реализации), т.е. знак языка в отличие от знака речи как знака актуализованного» (Ахманова, 2007: 159). В словаре не приводятся, к сожалению, примеры, поэтому есть простор для воображения.

Более определенно на этот счет высказывается А.Е. Кибрик: «Не всем значимым языковым сущностям соответствует некоторая сегментная оболочка. Значительная часть смысла высказывания выражается супрасегментными средствами» (Кибрик, 1992: 15). Далее ученый конкретизирует эту информацию: выделяет *конверсию*, когда слово «из

одной части речи переводится в другую», *компрессию*, «когда в одном означающем слито несколько означаемых», *пресуппозиции*, «составляющие существенную часть значения всякого высказывания» (там же).

Полагаем, что топы в определенном смысле пополняют этот ряд «супрасегментных средств», но они обладают значительно большей системностью в языке и регулярностью функционирования в речи, чем другие супрасегментные средства. Если пресуппозиция, например, определяет в данной конкретной ситуации характер и объем общей для говорящих информации и обеспечивает ее истинность, то топы априорно существуют в сознании общающихся как общая база, обеспечивающая адекватную ориентацию в ситуации общения. Можно сказать, что в языке (и мышлении) топы существуют как виртуальные знаки-модели, а в речи – как высказывания, «модельность», которых *меняется* в зависимости от *перманентной цели* говорящего в *данный момент общения* и от *объема высказывания*. Их конкретное наполнение в реальной речевой ситуации зависит от того, какой топ в данный момент адресант выбирает как наиболее оптимальный для выполнения задачи убеждения. Причем этот процесс происходит в основном неосознанно, просто в силу приобретенного ранее жизненного и речевого опыта.

Таким образом, топ не просто супрасегментное средство, а абстрактная *языковая* единица сверхсинтаксического уровня, *качественно* определяющая дискурс/текст, структурирующая его.

Если понимать дискурс как «текст, погруженный в жизнь» (Н.Д. Арутюнова), то топика способна органично вписаться в методологию лингвистики текста как следующий шаг в этой научной парадигме.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. - 4-е изд., стереотип. - М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. - М.: Изд. МГУ, 1992. – 335 с.
3. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т.1. - М., 2001. – С. 72–81.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева / - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. - Вып. 8. - Новосибирск, 2005. – С. 66–78.
6. Садикова В.А. Обучение публичной речи: топиковая модель // Русский язык в школе. 2008. № 7. – С. 19–21.
7. Садикова В.А. Как подготовиться к речевому творчеству // Русский язык в школе. 2009а. № 8. – С. 3–11.
8. Садикова В.А. Топика: истоки и перспективы // Филологические науки. 2009б. № 1. – С. 47–56.
9. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: Монография. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009в. – 188 с.

10. Сусов И.П. Введение в языкознание. - М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 380 с.
11. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. - Харьков: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
12. Фуко М. Археология знания. - Киев: Ника-центр, 1996. – 208 с.

References

1. Akhmanova O.S. Glossary of linguistic terms [Slovar lingvisticheskikh terminov]. - 4-e izd., stereotip. - М.: KomKniga, 2007. – 576 s.
2. Kibrik A.E. Essays on general and applied aspects of linguistics [Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya]. - М.: Izd. MGU, 1992. – 335 с.
3. Kubryakova Ye. S. About text and criteria for its determination [O tekste i kriteriyakh yego opredeleniya] // Tekst. Struktura i semantika. T.1. - М., 2001. – S. 72–81.
4. Linguistic Encyclopedic Dictionary [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar] / Gl. red. V.N. Yartseva / - М.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 685 s.
5. Revzina O. G. Discourse and discursive formations [Diskurs i diskursivnyye formatsii] // Kritika i semiotika. - Vyp. 8. - Novosibirsk, 2005. – S. 66–78.
6. Sadikova V.A. Training public speech: topik model [Obucheniye publichnoy rechi: topikovaya model] // Russkiy yazyk v shkole. 2008. № 7. – S. 19–21.
7. Sadikova V.A. How to prepare for verbal creativity [Kak podgotovitsya k rechevomu tvorchestvu] // Russkiy yazyk v shkole. 2009a. № 8. – S. 3–11.
8. Sadikova V.A. Topik: Origins and Prospects [Topika: istoki i perspektivy] // Filologicheskiye nauki. 2009b. № 1. – S. 47–56.
9. Sadikova V.A. Topik: history, theory, practice [Topika: istoriya, teoriya, praktika]: Monografiya. - Tver: Tver. gos. un-t, 2009v. – 188 s.
10. Susov I.P. Introduction to Linguistics [Vvedeniye v yazykoznaniye]. - М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 380 s.
11. Ticher S., Meyer M., Vodak R., Vetter Ye. Methods of text and discourse analysis [Metody analiza teksta i diskursa] / Per. s angl. - Kharkov: Gumanitarnyy tsentr, 2009. – 356 s.
12. Fuko M. The Archaeology of Knowledge [Arkheologiya znaniya]. - Kiyev: Nika-tsentr, 1996. – 208 s.